

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Лебедева Е. Д.

ТЕКСТОЛОГИЯ
ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЭДИЦИОННО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ
КОМИТЕТЕ СЛАВИСТОВ

Указатель докладов и публикаций
1958—1978

Москва • 1980

Академик Д.С.ЛИХАЧЕВ

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭДИЦИОННО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
(1958-1978)

Эдиционно-текстологическая комиссия Международного комитета славистов была образована на IV Международном съезде славистов в Москве, состоявшемся в 1958 г. Ее председателем был избран и затем бессменно им оставался в течение двадцати лет вплоть до 1978 года академик Польской Академии Наук Конрад Гурский, чьей огромной эрудиции, энергии, такту и внимательному отношению к новым идеям и теориям, а также личной благожелательности к ученым Эдиционно-текстологическая комиссия обязана теми огромными результатами, которые сейчас признаны за ней во всем мире. Заместителем председателя тогда же был выбран я, а ученым секретарем — профессор Збигнев Голинский (ПНР), также остававшиеся бессменными до 1978 г.

Наиболее активными членами Комиссии за все эти годы были проф. Х.Шустер-Шевц, проф. Х.Грассгоф и В.Дювель от

ГДР, проф. Р.Лалич от Югославии (скончался в 1973 г.), проф. П.Кирай от Венгрии, проф. З.Гавранкова, проф. И.Дангелка и проф. О.Кралик от Чехословакии, проф. В.С.Нечаева, К.В.Чистов и Н.И.Балашов от СССР, существенную роль в работе Комиссии сыграл проф. Ф.Мареш.

Эдиционно-текстологическая комиссия собиралась почти ежегодно. Несколько раз она собиралась в Варшаве, дважды в Москве, по одному разу в Праге, Белграде, Берлине, Софии, Торуня, Ленинграде, Лейпциге, Загребе.

Библиография работ Эдиционно-текстологической комиссии предлагается в данной книге. Однако, значение работ Эдиционно-текстологической комиссии никак не может быть ограничено ее печатными статьями, книгами и отчетами о заседаниях. Влияние идей Комиссии и происходивших на ее заседаниях дискуссий в той или иной степени сказалось во всех работах, касавшихся проблем текстологии и эдиционной техники как в славянских странах, так и за их пределами и, что может быть самое важное, сказалось в практической работе по научной публикации текстов и их изучению.

Ниже мы коснемся некоторых проблем, которым особенно много внимания было уделено на конференциях и в печатных работах Комиссии.

Среди вопросов, разбиравшихся на заседаниях Эдиционно-текстологической комиссии, одно из первых мест занимал вопрос об авторской воле, как основе выбора и выработки текста для издания. Без обсуждения этого вопроса, по существу, не обходилось ни одно совещание — обсуждался ли вопрос об интерпункции, о лингвистической стороне изданий классиков или о выборе редакции текста для академических или массовых изданий. Так или иначе, любая текстологическая проблема заставляла возвращаться к вопросу об авторской воле.

Никто, в сущности, не оспаривал необходимость считаться с волей автора, но все указывали в докладах и прениях, что "воля автора" часто бывала либо не выражена, либо отсутствовала вообще, когда автор утрачивал интерес к своему произведению, либо переходила в стадию авторского полубезразличия к своему произведению, когда основную роль начинали играть соображения автоцензуры, или доверие к чужому мнению, опыту и осторожности, или даже материальные расчеты. Приводились примеры изменения текста с явным его ухудшением вследствие перемены мировоззрения. К. Гурский приводил примеры изменения языковых форм и орфографии лицами, которым А. Мицкевич передоверял правку корректуры (А. Мицкевич, в частности, не любил читать корректуру своих произведений). Значительную роль в изменении текста произведений играл произвол и настойчивость издательских редакторов.

Бывают случаи еще более серьезные: когда автор спустя известное время вообще отрекался от своего произведения (Пушкин — от "Гавриилиады") или художественных произведений в целом (Лев Толстой — в поздний период своей жизни).

Во многих случаях "воля автора", как отмечалось, приходит в противоречие с "волей читателя". Читатель может пожелать узнать все редакции того или иного произведения, весь творческий процесс, а не только последнюю редакцию произведения. Наконец, в компетенцию "авторской воли" никак не входят многие бумаги автора, не предназначавшиеся для печати — как, например, письма, дневники, записные книжки, представляющие, однако, порой исключительную важность.

Автор может приходиться в конфликт с собственным творчеством: в старости, например, с произведениями юности. Обстоятельство это отмечал еще Б. В. Томашевский, который писал: "Чем ближе переработка к моменту создания произведения, тем она органичнее, тем более эта перемена системы

(поэтической системы, — Д.Л.) соответствует основному художественному замыслу. Но чем дальше отходит автор от своего произведения, тем чаще эта перемена системы переходит в простые заплатки нового стиля на основе чуждого ему старого, органического".¹⁾

Благодаря заседаниям Эдиционно-текстологической комиссии и в первую очередь тем, что происходили в Варшаве в сентябре 1961 г., эти положения Б.В.Томашевского, углубленные и распространенные десятками убедительнейших и разнообразных примеров, стали достоянием мировой науки. Были выявлены различные нюансы, которые в дальнейшем на последующих конференциях дополнялись все новыми и новыми (см. № 163).

По докладу проф. К.Гурского на заседании в Варшаве в 1961 г. было признано необходимым отделять творческую волю автора от нетворческой, сопряженной со всякими побочными соображениями автора и обстоятельствами, в которых автор оказывался. Термин "последней творческой воли" был предложен проф. К.Гурским, и принят в ряде стран, в том числе в СССР, а впоследствии в результате тщательного обсуждения вопроса о том, что называть "творческой волей" в отличие от "нетворческой воли" или просто "авторского безволия", было решено, что выбору текста для издания непременно должно предшествовать тщательное изучение всей истории создания текста произведения, причем, как выяснилось с полной очевидностью, в равной степени следует изучать и творческие мотивы создания текста, и нетворческие обстоятельства, которые стеной окружают автора при создании им

¹⁾ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. — Изд. 2-е. — М.: Искусство, 1959, с. 176.

его произведения. Только изучая всю историю создания произведения и историю прижизненных изданий или рукописных текстов, можно прийти к тем или иным выводам о том, какой текст должен быть положен в основу издания.

Попутно было обращено внимание на необходимость тщательного изучения психологии типографского набора (ручного и машинного), технических ошибок набора, обуславливаемых особенностями клавиатуры пишущих и наборных машин, устройства шрифтовых касс, приемов и психологии чтения корректур в типографии, в издательствах и авторами и т.д. Обращалось внимание и на необходимость изучения психологии автоцензуры у различных авторов, цензурных правил и инструкций, а также способов, которые применялись авторами для "обхода цензуры". В частности, довольно любопытные примеры были приведены из творчества М.Е.Салтыкова-Щедрина: зависимость жанра и художественных особенностей его произведений от цензурных условий.

Было обращено внимание и на то обстоятельство, что принцип последней авторской воли полностью отпадает в двух случаях: 1) когда мы имеем дело не с авторскими текстами — фольклорными, средневековыми, или тогда, 2) когда мы имеем дело с историческим документом. В последнем случае наиболее значительный текст не первый и не последний, а тот, который оказался наиболее действенным в историческом отношении. Отделить же исторический текст от художественного не всегда возможно — особенно для средневековья.

Весьма весомые результаты были достигнуты на заседаниях, посвященных пунктуации. Были отмечены три типа пунктуации: современная (колеблющаяся в различных языках), историческая (принятая в ту или иную эпоху) и авторская. Отличие этой, третьей, от второй, исторической, часто очень значительно и авторские требования к пунктуации проводились с разной степенью категоричности (на "своей" пун-

ктуации настаивал Достоевский, но не настаивали другие писатели).

Основная роль в изучении интерпункции и здесь принадлежит проф. К.Гурскому. Было обращено внимание на настоятельную необходимость изучения общей истории интерпункции в различных языках и на крайнюю важность исследования индивидуальных особенностей интерпункции у различных авторов. Помимо интерпункции А.Мицкевича, на которой сосредоточивались главным образом доклады проф. К.Гурского, на заседаниях говорилось об интересе, который представляет изучение особенностей интерпункции у Н.М.Карамзина, Ф.М.Достоевского и М.Горького. Было признано необходимым серьезно заняться изучением пунктуации в древнеславянских текстах. Было единодушно отвергнуто, как несостоятельное, мнение многих старых исследователей древнеславянских литератур, что расстановка знаков препинания в древнеславянских текстах подчинялась произвольным или чисто случайным обстоятельствам. Приводились примеры того, что пунктуация в древнерусских текстах подчинялась очень часто задачам облегчить чтение текстов вслух.

Ряд заседаний Эдиционно-текстологической комиссии был посвящен проблеме научных описаний и их унификации. Задача унификации научных описаний рукописей, особенно средневековых, представляется очень важной и, в сущности, не решена до сих пор. По моему докладу в Варшаве в 1961 г. были приняты следующие пять типов описаний: 1) охранный список рукописей, задача которой зафиксировать наличие рукописей в собрании и их примерный (полистный) объем; 2) путеводитель по тому или иному собранию или фонду, дающий возможность получить приблизительное представление о том, что в данном собрании или фонде находится; 3) список фондов рукописного хранилища или ряда хранилищ, произведенная по крупнейшим фондам, влившимся в данное собрание (например,

личные фонды того или иного автора, фонды монастыря или государственного учреждения, находящиеся в хранилище и т.п.); 4) каталог рукописей собраний или собраний определенного характера (например, всех иллюминированных, или всех пергаменных, или всех греческих, или всех тех или иных веков, или всех принадлежащих к той или иной традиции и т.д.); 5) полное постатейное научное описание рукописей, представляющее собой описание с определением дат рукописей и заключенных в них произведений, сделанное не "по переплетам", а по отдельным входящим в сборники статьям, с рассмотрением бумажных знаков, почерка, чернил и пр. Разумеется, последний тип описаний наиболее важен, сложен и нуждается в наибольшей унификации с тем, чтобы в будущем могли извлекаться определенные сведения для статистики, для электронно-запоминающих устройств и пр.

Прежде всего была создана "Инструкция для составления каталогов древних славянских рукописей" (см. № 31). Другая попытка создания общей для всех стран и хранилищ инструкции для постатейного описания отдельных рукописей (отличная по задачам от первой) была сделана чешскими текстологами под руководством проф. Ф. Мареша (см. № 39). К сожалению, последняя инструкция не привлекла внимания тех немногих хранилищ в СССР, где ведется работа по научному описанию древнеславянских рукописей. Помехой, как кажется, послужили три обстоятельства: 1) простое незнание с инструкцией, опубликованной за рубежом ("Slavia", Praha, 1965, год. 34, № 2, в. 260-262), 2) ее по преимуществу языковедческий характер, обращающий главное внимание не на содержание рукописи, а на ее языковую сторону и 3) косность самих работников хранилищ, где велась работа по описанию рукописей, предпочитавших работать по своим уже выработавшимся у них шаблонам.

Среди других тем, привлечших внимание Эдиционно-текстологической комиссии, особенно плодотворными были следующие: текстологические проблемы издания собраний сочинений классиков, текстология фольклора, выбор основного текста, принципы реконструкции текстов, значение терминов "текст", "архетип", "канонический" и "основной" тексты, методика установления авторства, теория вариативности текста, значение для текстологии лексикографии и палеографии, эстетический принцип в выборе текста и его вариантов и многое, многое другое.

Надо признать, что международный обмен опытом и концепциями на заседаниях Эдиционно-текстологической комиссии сыграл чрезвычайно большую роль в развитии текстологии как науки в славянских странах.

Заседания Международной эдиционно-текстологической комиссии в значительной степени способствовали переходу текстологии из практической дисциплины, ставящей себе целью чисто эдиционные задачи, к науке, изучающей текст и историю текста отдельных произведений. Такой переход укрепил практические позиции ученых при издании текста произведений — классиков, средневековых, фольклорных, литературных и нелитературных, послужил толчком не только к созданию отдельных чрезвычайно важных исследований, но и общих работ по текстологии. Причем следует отметить, что значение докладов и их обсуждений на заседаниях Международной эдиционно-текстологической комиссии быстро вышло за пределы дискуссий среди членов Комиссии и участников заседаний и способствовало развитию текстологии как науки в целом во всех странах с широко разветвленной системой издания литературных произведений.

Во всем этом своими успехами текстология прежде всего обязана умелому, глубоко компетентному и терпеливо-тер-

пимому руководителю Эдиционно-текстологической комиссии, ее бессменному в течение двадцати лет председателю — академику ПАН Конраду Гурскому, которому участники заседаний приносят свою глубочайшую благодарность.¹⁾

¹⁾ См. библиографию работ К. Гурского в области текстологии в наст. издании.